

В. И. ГЕРЬЕ

Вторая Государственная дума¹

<фрагмент>

<...> Благородную и прекрасную речь сказал депутат Булгаков, кадет по имени партии, но не по этике. Он говорил «не как человек, сидящий там или здесь, а просто, как русский человек, любящий свою родину и присутствующий при ужасной экспертизе современного ее состояния». Более чем другие, он находился под удручающим впечатлением «раскрывшейся перед ним потрясающей современной русской трагедии... Сначала, когда мы слушали доклад комиссии, то волосы вставали дыбом от тех ужасов, которые происходят в тюрьме». — «Была выслушана одна сторона. Затем выступила другая. Она тоже начала обвинительного акта. Я признаюсь, что слушал его с меньшим ужасом и с меньшим отчаянием, чем первый обвинительный акт».

Не менее, чем этот «состязательный процесс» тяготило чуткого депутата то, что большая часть его товарищей-ораторов становились в положение сторон в этом процессе. И еще мучительнее была для него мысль, что происходившее у него на глазах в Думе есть точное изображение того, что происходит в действительности, — того кровавого боя, той схватки, которую представляет собою наша теперешняя жизнь. Болезненно отзывался он на то, что «мы до такой степени привыкли к этим ужасам, что почти равнодушно читаем в газетах: столько-то убито, столько-то разорвало бомбой, там-то произведены такие-то ужасы усмирения. Мы живем в этом ужасе, но мы его не замечаем. Мы дичаем, становимся варварами».

Но то, что вызывало у других озлобление и ненависть, то побудило философски настроенного автора сборника «От марксизма к идеализму» искать выхода не в том, «что победит та или другая сторона, а затем растопчет противную сторону, а в

том, что произойдет какое-то высшее примирение, на какой то высшей, чем теперешняя борьба, моральной и правовой почве». Но не в этих только гражданских чувствах, которые разделяли с ним и другие, не в этом только политическом идеализме, который не многим был понятен, заключалась главная заслуга орловского депутата, — а в том, как он отнесся к запросу, как он понял и определил значение запросов вообще. Он видел в запросе «руку помощи», которую народное представительство протягивает власти для того, чтобы найти общую почву, для того, чтобы власть могла войти в соприкосновение с народом, могла заслужить доверие народа, необходимое для отечества.

Это очень хорошо и очень далеко не только от взгляда революционеров на запрос, но и от точки зрения, которую развивали московские кадеты в своем *«Руководстве для ораторов на митингах»*.

С своей точки зрения орловский депутат не мог быть доволен положением дела. «Мы имеем, — говорил он, — две стороны, из которых одна сторона раздробленная, разрозненная, потерявшая сознательность своего направления и в то же время пятнающая белоснежную одежду свободы комьями грязи — с другой стороны, органы власти правительства, носительницы идеи права, которая тоже сошла с пьедестала власти и вступила на положение борющейся стороны. «Эти две стороны дела, т. е. запрос Думе и ответ на запрос, представляют собою как бы две совершенно равные борющиеся стороны. В этом заключается весь ужас нашего положения».

Депутат Булгаков усматривал ужас положения именно в том, что власть вызывает не только недоверие, но прямо чувство ненависти, — а это ненормальное положение в здоровом государстве. Власть должна поднять свой престиж, и в России должна создаться власть-носительница права, которая обладала бы моральным авторитетом. *Но помочь власти поднять свой престиж лежит на обязанности народного представительства.*

Никогда еще не раздавалось из центра Государственной думы таких слов, как те, которые мы подчеркнули! Никогда политика как первой, так и второй Думы, не была так верно характеризована и осуждена: «Когда здесь рассматривался вопрос о средствах борьбы с правительством, то при этом смешивали следующее: борьба с правительством в смысле борьбы с существующими представителями власти — одно, а борьба с авторитетом правительства в стране — это совершенно другое. Мы можем быть недовольны тем или другим правительством;

но правительство, обладающее моральным авторитетом, нам нужно, и создать такое правительство есть наша задача».

Депутат Булгаков закончил свою речь следующими словами, выразившими его отношение к министерскому ответу на запрос: «Когда правительство заявляет, что некоторые члены полиции сделали правонарушение, я до известной степени удовлетворен, хотя в очень малой мере, — потому что во всяком случае делу придан законный ход. Наконец, когда правительство, становясь на почву борющейся стороны, старается оправдать или смягчить свои действия, тогда я ужасаюсь, тогда я боюсь, что протянутая рука помощи останется без ответа, но я этого не желал бы».

Так и хотелось бы, чтобы по выслушании этой речи оратору кликнули, как одному из ораторов Французской революции — *mais concluez donc!*² Но д. Булгаков не сделал из своей речи практического вывода, столь нужного в тогдашний момент. Он не предложил формулы, которая соответствовала бы его политической мысли и в тоже время, ясно ее выразив, дала бы возможность другим к ней присоединиться. Предстояло решение вопроса, как отнесется Государственная дума к ответу министерства на ее запрос. От этого ответа зависел, не только моральный авторитет правительства, но и моральный авторитет самой Государственной думы перед правительством и страной. Депутату Булгакову аплодировали одновременно, что редко бывало в Думе, и справа и из центра. Следовательно была надежда, что могло бы состояться соглашение между этими частями Думы относительно формулы перехода к очередным делам. Но оно не состоялось. <...>

